

17 июня 2010

Дмитрий Хворостовский: «На Западе я себя чувствую русским, а в России – иностранцем. Такой у меня крест»

Знаменитый оперный певец накануне своего выступления в Курске ответил на вопросы «Комсомолки»

Дмитрий Хворостовский прилетел в Курск на юбилей местного банка. Судя по всему, перелет из столицы на «Яке» немного шокировал мировую знаменитость - когда баритон сошел с трапа, по его виду читалось, что на таких самолетах он давно отвык путешествовать. В Курске его ждал теплый прием – звезду узнавали повсюду. Признали певца и иностранцы в гостинице: «Смотрите, это русская знаменитость!», - шептались между собой французы.

- Дмитрий, вы выступаете по всему миру. Для вас есть какая-то разница между российской и западной публикой?

- Никакой. Главное - оставаться естественным и чистым. Все нужно делать предельно честно.

- Когда вы исполнили главную партию Онегина, американская пресса написала, что вы рождены для этого. Какие персонажи и роли вам ближе всего по темпераменту?

- Евгений Онегин – одна из моих любимых ролей. Но я слишком придирчив и выбираю постановки, которые должны быть значимыми. В этом смысле Онегин для меня довольно легкая работа, поэтому я стремлюсь к чему-то менее естественному для себя. Такие роли, как Риголетто, где я должен изображать горбуна и уродца, или, например, характерные роли злодея и убийцы, мне нравятся больше.

- Что вам еще нравится помимо музыки?

- В детстве я любил лепить, можно даже сказать, был скульптором. А сейчас довольно-таки неплохо рисую.

«Георгия Свиридова любил и ненавидел»

- Известно, что курский композитор Георгий Свиридов свой цикл «Петербург» написал специально для вас. Какую роль Свиридов сыграл в вашей жизни?

- Михаил Аркадьев - пианист, с которым я тогда работал, - знал Георгия Васильевича лично и был вхож в его дом. Они были друзьями и коллегами, а Михаил - его учеником. Через него я и познакомился с Георгием Васильевичем. Мы встречались, работали, дружили. Впервые его произведения я исполнил в 1994 году в Москве на Пречистинке. Неделью спустя - на концерте в Лос-Анджелесе. Кстати, это была мировая премьера. До этого его исполняла Елена Образцова, а аккомпанировал сам Свиридов. Но за рубежом «Петербург» первым исполнил я. Кстати, это произведение звучало также и в Wigmore Hall, его встретил шквал оваций. На концерт в Лондон пригласили композитора. Это было незадолго до того, как Георгий Васильевич от нас ушел.

- Чем вам запомнился Георгий Васильевич как человек?

- Последние годы мы тесно дружили. Для меня он был как родной дедушка, с ним комфортно и интересно. Отличный рассказчик, обладал феноменальными эрудицией и памятью. Свиридов прекрасно разбирался в творчестве поэтов, на стихи которых писал музыку. Он был женат на Эльзе Густавовне, эстонке по происхождению, она была филологом. Поэзия в их доме ценилась очень высоко. Я никогда не смеялся так, как в доме у Свиридова. В буквальном смысле валялся под столом от его шуток. Он был блестящим рассказчиком. Думаю, он мог бы быть актером. С такой жесткостью и серьезностью он рассказывал все смешные истории!

С музыкой Свиридова я прожил почти семь лет. Признаюсь, испытывал адские муки, исполняя произведения Георгия Васильевича: каждый раз давал себе слово, что это в последний раз. Их нельзя исполнять равнодушно, не чувствуя всем сердцем, не страдая. Сами понимаете, артист не всегда способен выкладываться до конца на сцене. За это я его любил и ненавидел.

«Артисты способны на большее, чем некоторые политики»

- Вы постоянно находитесь в разъездах и давно уже, можно сказать, человек мира. Насколько важно для вас ощущение России как Родины?

- Конечно, я русский человек. Чем дальше от России, тем больше русским я себя чувствую, и чем ближе к России, тем больше нерусским себя ощущаю. Вот такой у меня крест. Вне России себя чувствуешь неким послом. Все взгляды устремлены на меня как на представителя этой страны. И даже представителя Сибири, так как я сибиряк! Даже когда на сцене чешешь себе нос, все думают: «Смотри, все сибиряки вот так делают!» Нельзя себе позволять что-то лишнее. Нужно отдавать себе отчет, кто ты и что ты делаешь, о чем думаешь, что говоришь. Это касается не только меня, но и любого артиста.

Ведь нам удастся сделать гораздо больше, чем многим политикам. Музыка интернациональна, не знает никаких преград, она способна перерождать людей, делать их лучше. Когда есть музыка и настоящее искусство, нет войн, люди не убивают друг друга. В этом прелесть нашей работы.

